

Д. А. Салимова
Казанский федеральный университет (Елабужский филиал) (Россия)
О. С. Пузикова
Гимназия № 32 г. Нижнекамска (Россия)

**«Зулейха открывает глаза» – роман Г. Яхиной как
инсталляция разных видов искусства**

Дебютный роман Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» оказался в центре внимания литературных премий 2015 года: получил «Звездный билет» на «Аксенов-фесте», стал победителем премий «Большая книга», «Ясная Поляна», вошел в шорт-лист «Русского Букера» и «НОС». Премии, сколько бы ни спорили об их значении, отражают-таки мнение читательского и экспертного сообществ. В чем секрет популярности этого романа? Почему столь востребованной оказалась история раскулаченной и сосланной в Сибирь татарской крестьянки (то есть тематически не новая), написанная во вполне компактном формате, а не в манере традиционного «русского романа», то есть романа больших идей и большого, не стремящегося к строгой организации объема?

Роман представляет собой чрезвычайно актуальный не литературный даже, а культурный продукт, талантливо, изящно изготовленный. Слово «продукт» сегодня стало неожиданно популярным в литературной среде. Продукт надо понимать как созданное в результате маркетинга, то есть изучения спроса изделие, отвечающее потребностям рынка и потребителя. И роман Яхиной, как оказалось, соответствует читательским ожиданиям. Через него, через историю его успеха мы можем понять, чего ждет сегодняшний читатель от литературы.

Гузель Яхина одарена редким чувством меры: ей удалось сочетать в своем тексте сразу несколько актуальных трендов. Здесь, конечно, работает запрос на недавнюю историю, советскую прежде всего. Свежесть восприятия общесоветской истории в романе обеспечивается тем, что здесь мы встречаемся с советской историей в национальном варианте: татарский мир предстает в меру экзотично, совершенно убедительно, при этом ненавязчиво и абсолютно доступно (в конце романа дан словарь татарских слов и выражений).

На уровне письма важнее всего кинематографичность романа. Сегодня нередко кинематограф ставит зрение современного автора и влияет на приемы и структуру описания. Визуальность, несомненно, доминирующий сейчас культурный код. Яхина не скрывает, что роман прямо вырос из киносценария. В кинематографический роман органично входят популярные литературные тенденции: например, интерес к биографии и документу (Яхина описывает судьбу собственной бабушки). Но важнее всего, что воспроизводятся модели, популярные вечно: прежде всего история женской любви и вообще история вочеловечения (Зулейха обретает собственные личность и счастье в обезличенном и жестоком мире реальной истории). Все названные приемы достаточно традиционны - тем они и привлекательны для читателя. А необходимой инновацией становится авторский стиль. Очень

удачное название книги «Зулейха открывает глаза» запечатлевает не только внутреннее состояние героини, но и основной внутренней жест этой прозы. Зулейха открывает глаза на мир, который, хорош он или (что случается в ее судьбе чаще) до невыносимости плох, предстает новым, прозрачным, ясным и каким-то умытым.

На уровне проблематики мы видим ответ на интерес современного читателя к истории, в особенности – советского периода, и, в частности, новый запрос на уже отработанную в книгах В. Тендрякова, В. Белова, А. Солженицына, В. Шаламова тематику коллективизации и лагерей. Семью Зулейхи раскулачивают, при попытке воспротивиться погибает от пули муж, Зулейху отправляют в ссылку. Длинная цепь эшелонов со ссылными полгода ползет по России: сначала Казань, потом Москва, Урал, Сибирь. Поезд – микро модель страны: здесь заново учатся жить и умирать крестьяне, бывшие эсеры, уголовники, ленинградские интеллигенты... Большинство людей умирает в пути от голода, холода, болезней, кому-то удается бежать. Из Красноярска, как оказалось, надо еще двигаться глубоко в бескрайнюю сибирскую тайгу, и несколько сотен уцелевших в поезде утонет в холодной предзимней Ангаре: прохудилась старая баржа, а запертые в трюме враги народа выбраться не смогли. Комендант эшелона станет комендантом лагеря, но, по сути, почти заключенным, потому что с горсткой чудом выживших ссыльных окажется брошенным в зимней тайге выживать на подножном корму. Мы читаем лагерную историю как суровую робинзонаду; правда, кроме того что надо добыть пищу, доходам необходимо, комендант верен революционному долгу – еще и валить лес. Много позже дойдет в эту глухомань приказ о формировании ГУЛАГа, частью которого и станет основанный ссыльными поселок Семрук. До этого ссыльнопоселенцы существуют как будто вне бюрократической системы, гонимые Системой как Рокком.

Каждое поколение читателей нуждается в своем писателе, рассказывающем правдивые истории о том, что как будто бы недавно было рассказано. Проза Солженицына и Шаламова, возможно, для широкого читателя была нестерпимо беспощадной. Вероятно, новому читателю необходимо увидеть известное новыми глазами, когда про него говорит на близком культурном языке поколенчески популярный автор.

Героиня Яхиной, заключенная Зулейха, едва не в каждой главе снова и снова «открывает глаза», причем чаще всего с радостью. Яхинское повествование о лагере заполнено не только описанием страданий. Рассказ ведется очень умно: узнавание знакомого материала следует уже после твоего удивленья от незамутненной картинки. Незаметно для себя читатель принимает оптику взгляда высланной в ходе раскулачивания в Сибирь молодой татарской женщины. И, надо признать, писательница работает со словом очень точно; присуждение книге премии «Ясная Поляна» в номинации «XXI век» представляется закономерным решением. Страдания героини все усугубляются, а мы все отчетливее ощущаем легкое дыхание яхинской прозы. Таким образом, современный извод «лагерной прозы» – это сдвиг в понятное телесное переживание и все-таки вариант «лайт»: смерть рядом, но жизнь на страницах романа победит точно.

Важно и то, что у Яхиной именно женский взгляд и женская судьба. В

условиях, где смогли выжить немногие, Зулейха вынашивает и рождает сына, подкармливая его буквально собственной кровью: при том что заключенные отдают матери с младенцем последнее, ее молока не хватает. Не менее существенна, чем судьба Юзуфа, любовная линия романа – «взаимоотношения женщины с любовью», как точно подметила Анна Наринская [Наринская 2015: 25]. Да, не столько с предметом любви, сколько с любовью. Это и есть, собственно, типичный сюжет женской прозы. Мы говорим не о дамском романе – жанре уж вовсе массовом. Здесь любовная история накладывается на большую Историю, унесенные ее ветром героини неизменно интересны. Роман о Зулейхе сделан по этой испытанной формуле: история страны плюс история любви. Любовная история включает и мотив страстного влечения к убийце мужа (и здесь невольно вспомнишь коллизии «Ночного портъе» Лилианы Кавани), и выбор между сыном и возлюбленным, и характерный для женской прозы мотив мнимого безразличия героя, и хорошо прописанную телесность: всепоглощающая любовь к сыну и страсть к мужчине описаны одинаково ярко. Яхина демонстрирует вполне характерный для современной российской женской прозы ход, актуальную разновидность формулы: судьбы «унесенных ветром» на фоне перипетий отечественной истории описывают в последние годы Марина Степнова («Женщины Лазаря»), Елена Колядина («Цветочный крест») и многие другие.

В некотором смысле Зулейха – сумма, результат культурных влияний-прививок людей, встретившихся на ее пути и сформировавших ее личность. Таким образом, Яхина поймала нерв женской прозы именно в современном ее изводе, характерном для последнего десятилетия. Ее повествование и трагедия, и хорошо сделанная история любви.

Вообще Гузель Яхина эффективно использует самые разные художественные ресурсы. Одним из самых важных становится миф. Мифологическое сознание наиболее целостно воспроизведено в начале романа, когда юная Зулейха пребывает в лоне родной культуры. Годы юности героини, 20-30-ые, вовсе не пасторальны, они – сплошной труд и страдания. Героиня, однако, не сетует на изматывающую крестьянскую работу, на грубого пожилого мужа, на тиранящую ее свекровь Упыриху, потому что другой судьбы не знает, потому что привыкла жить в маленьком мире татарского села, где «нельзя переступить границу Крайней поляны», где среди бесконечных забот надо еще тайно от всех отнести сладкой пастилы духам околицы и духам кладбища: чтоб потеплее укрыли на зиму могилы покоящихся на погосте дочек Зулейхи снежным одеялом.

С течением романного времени, в лагере, Зулейха уходит от язычества, от родового коллективного бессознательного, напоминавшего о себе в снах об Упырихе. Но романное целое формируют мифологические образы и сюжеты иного порядка. Имена Юзуфа и Зулейхи не могут не напомнить об известном библейско-кораническом сюжете; само рождение Юзуфа – это рождение мифологического героя; картины его вскармливания иконически отсылают к христианской иконографии мадонны с младенцем. Мальчик, зачатый перед смертью собственного отца, выжил в самых страшных условиях: когда беременная Зулейха тонула в ледяной воде, когда кормила его собственной кровью, когда умирали, брошенные в сибирской тайге, взрослые и сильные. Он растет в течение шестнадцати лет романного

времени, с жадностью познавая мир по картинам ссыльного лагерного художника: тот щедро пишет на своих картинах для него города, страны, соборы, цветы, фрукты, автомобили... Бывший профессор учит медицине, интеллигентная ленинградка – языкам. Ребенку заново изобретают культуру на почве бесплодной и пустой.

Миф, история, притча особенно наглядно демонстрируют механизм своего взаимодействия в легенде о птицах, адаптированной героиней для сына в качестве мифа основания лагерного поселка Семрук. «Семь рук» – так придумали назвать поселок его строители, лагерники, один из которых был одноруким. Зулейха пересказывает сыну персидскую «Беседу птиц», где в поиске птицы Семруг необходимо преодолеть Долину Исканий, Долину Любви, затем Познания, Безразличия, Единения, Смятения, Отрешения. Это и есть судьба поселенцев и самой героини.

Мифологический и биографический пласты повествования взаимно углубляют друг друга. Яхина во всех интервью неустанно повторяет, что основу книги составили рассказы ее бабушки, прошедшей еще ребенком тот самый крутой маршрут, что описан в романе. Бабушка видела своими глазами утонувшую в ледяной Ангаре баржу со ссыльными, она училась в лагере у сосланного профессора Киселева, автора учебника по физике, ее братья и сестра умерли в ссылке, а родители остались на поселении в Сибири. Кроме того, писательница призналась, что читала письма и мемуары ссыльных, переселенных, прошедших через ГУЛАГ, собранные Сахаровским центром. И здесь Яхина в фарватере современного искусства: в его установке на документ, на устное свидетельство, что проявилось, например, в последней книге Л. Улицкой «Лестница Якова».

Роман Яхиной как будто включает в себя не только множество историй, но и множество языков – как, впрочем, и положено роману как жанру. Текст можно читать как реалистически-документальный или биографический, как притчу или любовную историю. «Как бы то ни было, роман, который заставляет думать, переживать заново то, что уже пережито миллионами, восхищает и покоряет... Варваризмы-экзотизмы, транскрибированные вкрапления ничуть не мешают восприятию, хотя признаем, что для русского читателя, возможно, это и создает некоторые трудности» [Салимова 2017: 134].

Особенно важно, что текст изначально пишется в расчете на его трансмедиальные возможности и перспективу. Изобразительные качества прозы Яхиной во многом обязаны кинооптике, текст даже стилистически напоминает киносценарий, в него проникают приемы сценарного письма своего рода указатели для движения камеры. В открытом финале романа «Зулейха побредет, не замечая времени и дороги, стараясь не дышать, чтобы не множить боль. На Круглой поляне заметит идущего навстречу человека, седого, хромого, с палкой. Они с Игнатовым увидят друг друга и остановятся – он на одном краю поляны, она на другом».

Но дело не только в поэтике, но еще и в возможностях нового функционирования текста, в выборе аудитории и востребованного формата. Гузель Яхина рассчитывает на то, что роман станет телесериалом. «Написание сценария помогло мне нащупать границы истории. До этого

история „размазывалась”, я никак не могла понять, где она должна начинаться, а где заканчиваться. Мне бы очень хотелось, чтобы роман был экранизирован. У этой истории есть сериальный потенциал на 4-8 серий, мне кажется» [Мечтаю...].

С критикой, надо сказать, роману, в общем, повезло, ее немало. Любопытно, что о романе Яхиной писали главным образом женщины-критики (Анна Наринская, Майя Кучерская, Галина Юзефович, Варвара Бабицкая). Роман Яхиной, в частности, упрекали в некотором схематизме персонажей второго ряда. При этом вторичность персонажей имеет очевидную литературную генеалогию. В читательских обсуждениях, заметках зорких литературных обозревателей отмечено, что «председатель сельсовета Денисов - калька с шолоховского Семена Давыдова, кому-то сходящий с ума профессор Лейбе, большой спец по гинекологии, напоминает профессора Павла Алексеевича Кукоцкого. А сама зеленоглазая Зулейха так и вовсе похожа то на Скарлетт О'Хару времен голода и лесопилки, то на Анжелику в Квебеке, когда круглыми сутками приходилось потрошить дичь и заготавливать дрова на бесконечную суровую зиму».

Но разве радость узнавания претекстов не составляет одно из удовольствий чтения и для искушенных, и для не слишком искушенных читателей? Яхина и не скрывает любви к романам Шолохова, к фильмам Эйзенштейна, привязанности к прозе Улицкой. Эти реминисценции общим знаменателем имеют культурную матрицу, и автор современного романа никак не скрывает цитатности. Гузель Яхина из личного семейного опыта, из того, что прочла, увидела, создает культурный продукт. Мы имеем дело не с нечаянным и наивным повтором, а с утверждением новой литературной конвенции, которая предполагает поэтику коллажа кодов, инсталляции из иных видов искусства, не авангардного, но технически будничного обнажения приема и без постмодернистской игры.

Язык романа тоже своеобразный коллаж, особая ткань, сотканная из золотых нитей прекрасного литературного русского языка, милых сердцу автора татарских лексем, немецких вкраплений, французских элементов; впрочем, этот аспект будет исследован нами в будущем более тщательно и глубоко.

Литература

Мечтаю, чтобы Зулейха стала фильмом. Электронный ресурс, URL: <http://www.gornovosti.ru/tema/interview/guzelyakhina-mechtayu-chtoby-zuleykha-stala-filmom87831.htm> (дата обращения 12.10.2018).

Наринская Анна. Женщина и остальные. О романе Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза». – «Коммерсантъ Weekend». – №20. – 2015.

Роман «Зулейха открывает глаза» переведут на 16 языков. Электронный ресурс, URL : <http://100000-knig.ru/news/> (дата обращения 12.10.2018).

Салимова Д. А.. Образ российского немца в русскоязычной литературе (на примере текста автора-татарки / /Д. А. Салимова / Гуманитарные науки и образование. – Саранск, 2017. – № 2. – С.130–135.

Татарские литераторы разошлись в оценке одной из самых успешных российских книг 2015 года. Электронный ресурс, URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/300676/> (дата обращения 12.10.2018).

Яхина Г. Зулейха открывает глаза: роман / Г. Яхина; предисп. Л. Улицкой. – М., 2016. – 508 с.